

Литературная СТРАНИЦА

В сентябре начинается новый учебный год для литературного объединения «Магнит» при газете «Магнитогорский металл». С уверенностью можно сказать, что творческое лето для членов литературного объединения было удачным. Написаны новые стихи, рассказы, появились новые интересные задумки, которые предстоит реализовать в течение года. Немало выступлений перед трудящимися комбината и города было сделано в течение лета членами литературного объединения.

Думается, в новом учебном году наше объединение пополнится и новыми ин-

ким штрихом нарисовать ту или иную картину, предельная честность в слове и чувстве, нравственная зрелость и человеческая доброта, отсутствие ремесленничества и поддельщины, отвращение к конъюнктуре, неприятие чуждой нашей действительности идеологии, духовной нищеты, неужесточенности и черствостью — таковы основные направления нашей ответственной и глубокой творческой работы.

Эти задачи чрезвычайно трудны. И тем более почетно решать их, прикладывая максимум усилий для само-

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

ресными авторами из рабочей среды, новыми любителями литературы и искусства. Добро пожаловать!

Задачи литературного объединения на текущий год остаются прежними. Это, прежде всего, раскрытие художественным методом богатого духовного мира советского человека-труженика.

Наше литературное объединение имеет глубокие корни, уходящие в тридцатые годы. Оно связано с именами Василия Макарова, Бориса Ручьева, Михаила Люгарина, Александра Ворошилова и многих других, чье творчество широко шагает по нашей стране. Богаты и традиции литературного объединения. Также тесна связь его с рабочей средой, да и в большинстве члены литературного объединения сами являются работниками нашего прославленного комбината.

Твердость позиции автора, зоркий и беспристрастный взгляд на действительность, умение небольшим, но яр-

образования, помощи другу по литературному объединению — сотоварищу по перу. Только горячее желание и неистребимая вера в свои силы могут стать на этом тернистом пути добрыми советниками и крепким подспорьем.

Первое занятие литературного объединения «Магнит» состоится 7 сентября в левобережном Дворце культуры металлургов в 19 часов, в комнате № 25 (четвертый этаж). На первом этаже лежит книга, где желающие обсудить свое творчество и стать членами литературного объединения могут записаться.

Последующие занятия объединения будут проводиться по четвергам в то же время, в том же помещении. Газета «Магнитогорский металл» на четвертой странице будет сообщать по вторникам о темах занятий.

А. ПАВЛОВ,
руководитель литературного объединения «Магнит», член Союза писателей СССР.

Уральский край.

Рис. П. Хныкина.

С МАГНИТКОЙ В СЕРДЦЕ

На конкурс «Гордость моя — Магнитка»

Забывтый край, дороги — мимо.

Стога, как шапки набекрень.

К заре привязанные дымом

маячат избы деревень.

И наш поселок у Амура,

и деревянные баржи...

Вдоль берегов скалисто-хмурых

вода стремительно бежит.

Заросший сад, а посередине

(когда-то были здесь пруды)

ползет разошедшая лодка

в бесплодных поисках воды.

И деревянное корыто —

обломок прожитых веков...

И котлован, как будто врытый

в промозглый рев грузовиков.

Фундамент вычурной постройке...

Вот здесь, в затерянной глуши,

отчаянно вцепились в стройку

сто двадцать три живых души.

Дыханьем чувствуя друг друга,

спаялись в тесное кольцо.

В крошечный снег, мороз и вьюгу,

горячий смерч — и все в лицо.

Простите жены и невесты

за скупость наших телеграмм...

И не смолкает в перелесках

натужный скрежет пилорам.

И нам покида не до писем...

Как часто, бредя наяву,

мы вспоминаем кто Тбилиси,

кто Ереван, а кто Москву...

А я, конечно же, Магнитку...

В неярком пламени костра

смотрим на тусклую открытку —

на ней моя Магнит-гора.

И душу схватывает гордость.

Старушкой сплетням вопреки

Мы, как отцы, построим город

на берегу большой реки.

Ну, а за то, что нам не сладко,

вблизи kloчующих плотин

магнитогорскую палатку

в амурском камне воплотим.

Тайга не желала незваных гостей...

брала за грудки, и трясла, и трепала.

Мы в кожу втирали лосиное сало,

а жуткий мороз продира до костей.

И кедры трещали, ветвями махая,

и северный ветер костер заносил.

И падали мы, выбиваясь из сил,

кляня неприветливость дикого края.

И снова вставали, и ели консервы,

примерженное мясо сдирая с ножей.

И письма читали, где жены мужей

своих проклинали, ушедших на север.

Я многое понял той страшной зимой...

Когда бородастый, матерый мужчина,

дубленые щеки по-детски морщина,

заплакал...

А ночью уехал домой.

А мы оставались, мы песен не пели.

Слова провалились куда-то в живот.

И лишь бригадирский

застуженный рот

ревел по утрам, поднимая с постели.

И снег на лице растирая горстями,

от ветра зажмурясь, шагали

в метель...

Тайга не желала незваных гостей.

Но мы заявили в нее не гостями.

Небо пенится восходом,

облака плывут, легки.

Звонким песенным народом

полон лагерь у реки.

Смех и пенье у палаток,

по-над речкой тоже смех.

И везде поют что надо,

здесь не любят неумех.

Здесь характеры, как порох,

пот с лица, как деньги с рук.

Здесь не любят разговоров

просто так, про что-то вдруг.

По работе отличая

своего от чужака,

песней праздники встречают,

дерзко пляшут гопака.

Вместе с ливнем,

вместе с ветром,

с модным шейком вперехлест.

И гудят, как струны, кедры,

и костры растут до звезд.

От проходной до цеха по тоннелю...

Как здесь тепло, на улице зима.

Там воют бесноватые метели,

засыпав тротуары и дома.

На улице мороз уже за сорок,

а в цехе что ни час, то горячей.

Малюет пламя красные узоры

на черные полотна кирпичей.

Штампует сталь горячие мозоли

на коже рук изнеженных моих...

Впервые я работаю до боли,

работаю сегодня за двоих.

Работаю вторую смену кряду —

мой сменщик заболел и не пришел.

Взрывается термитными снарядами

взлетающее пламя над ковшом.

Еще стакан холодной газировки,

еще стакан, еще, чтоб не упасть.

Татуировкой вышла на спецовке

вся соль моя,

вся боль моя и страсть.

Огонь — и тот как будто приостыл,

когда сквозь рев и грохот

многоотный

в горячем цехе грянули цветы,

разламывая яркие бутоны.

И дрогнул цех, и воздух посвежел,

а Петька, что сорил напропалую,

сметает пыль с горячих этажей

и крановщицам дарит поцелуй.

Как будто воцарилась тишина,

и гул печей, как трепет стрекозиный...

у маленького темного окна

в железных неокрашенных корзинах

стоят огнеупорные цветы,

разбрызгивая яростные тени...

О, сколько непокорной красоты

в их дерзком, неожиданном

цветении!

Нагрянули цветы среди зимы,

обрушились, ударили под сердце.

И самые холодные умы

взирают и не могут наглядеться.

Им дерзость непонятна и странна,

они всю жизнь прожили по расчету...

Откуда эта странная весна?

Ведь нет же в Антрактиде бегемотов!

Но все-таки, распахивая рты,

не рвут они у дерзости талонов.

Цветут огнеупорные цветы

назло холодокатаным рулонам.

А седина, как молния зимой,

нелепостью своею поразила.

Ну как теперь воротиться домой,

безусый, но седеющий верзила?

Откуда эта злая белизна

берет свое крошечное начало?

Ведь радуется по-прежнему весна,

и жизнь меня еще не укачала.

Остались долгожители в роду!

Ну что мне до столетних винокуров.

Мой дед копал железную руду,

сто лет копал,

и помер белокурый.

Откуда появилась седина,

какие занесли ее метели?..

Не голод ведь,

не холод,

не война...

А волосы, однако, поседели.

Я помню осеннюю жирную грязь...

Она налипла пудами на ноги.

Я помню соломенный тонкий матрас,

барак деревянный у самой дороги.

Мне помнится, как по-мужички,

кряхтя,

сапог я натягивал на ногу голую...

А после зубами скрипел от гвоздя,

который сквозь пятку долбил мою

голову.

Я помню раствором забрызганный

лоб,

и нашу крошечную, шалую ругань...

Я помню на Витьку свалившийся

столб,

на самого-самого лучшего друга.

Я помню, я помню...

— Я помню устал,

В могилу валились промерзшие

комья...

Потомки потом возведут пьедестал.

Я помню...

Александр ПАВЛОВ

Станиславу Мелешину

По городу воскресной улицей,

хватив частушек через край,

совсем семейно и загулисто

летит со свадьбою трамвай.

Машина — прочь,

прохожий — в сторону!

Дорогу завтрашнему дню!

Но где-то беспокойно ворону,

и травмам забько на корню.

Мой друг невидяще сутулится...

Его не трогают сейчас

ни эта ряженая улица,

ни этот светлый летний час.

Он вспомнил маму, что когда-то

ждала у дома сорванца.

Стояла тихо у крыльца

с красивым именем — Агата.

**Владимир
ПОКИДОВ**

Поезда

Поезда, поезда,

уходящие вдаль...

Как большая звезда,

оставляют печаль.

Только грохот колес

будит нас ото сна...

Огоньки папирос

помолчат у окна.

Затуманилась вьюга,

и поблекло окно...

Это старого друга

я не вижу давно.

Только пасмурным

днем

говорят иногда

все тревожней о нем

поезда, поезда.

Теперь, спустя десятки лет,

пришла пора просить прощенье.

И нет надежд на возвращенье,

и на прощенье тоже нет.

На перепутьях всех дорог

он доброту ее рассеял.

Был забный юг и жаркий север,

все было...

Только вышел срок.

В глазах качаются, как волны,

ковыль, оградка, лебеда...

Растут двойные города —

один живой,

другой — безмолвный.